

Л. А. Гаман

РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ О ВОЙНЕ: ВЗГЛЯД Ф. А. СТЕПУНА

Рассматриваются историко-религиозные представления русского религиозного мыслителя Ф. А. Степуна (1884–1965) о природе войны. Выявляется своеобразие его исследовательской стратегии, базированной на синтезе религиозно-философского и собственно научного подходов, позволившей ему отразить семантическую сложность войны как социального феномена, имеющего, по его мысли, как эмпирическое, так и метафизическое измерение.

Ключевые слова: религиозная философия истории, природа войны, патриотизм, менталитет, техногенная цивилизация.

Среди проблем, неизменно вызывающих интерес научного сообщества и общественности в целом, особое место занимает проблема войны. Она, имеющая огромную историографию, тем не менее далека от своего всестороннего разрешения и требует дальнейшего углубленного исследования. В этой связи представляется обоснованным обращение к размышлениям о природе войны русских религиозных мыслителей XX в., таких как Н. А. Бердяев, И. А. Ильин, Ф. А. Степун, Г. П. Федотов, С. Л. Франк и др., высказавших немало ценных суждений по данной проблеме. Особое место среди них занимает Фёдор Августович Степун, который был не только вдумчивым наблюдателем целого ряда крупнейших социальных конфликтов XX в., но и непосредственным участником некоторых из них. К числу важных вех его биографии относится его служба в качестве прапорщика в действующей армии в годы I Мировой войны и участие в революции 1917 г. в России.

Теоретико-методологическую основу размышлений Ф. А. Степуна о социальных конфликтах XX в. составляло убеждение, что христианство не может рассматриваться как «идея среди других идей», оно есть «некая абсолютная истина». Тем самым задавался соответствующий ракурс и для исследования войны как феномена полисемантического, в котором сложно переплетались сакральный и эмпирический уровни бытия. Ученый полагал, что без допущения «сверхнаучных представлений» в исследование природы войны заметно увеличивался риск искажения его правильной перспективы. По его убеждению, вне признания ряда ключевых для христианской философии истории категорий познания, таких как «трагедия», «свобода воли», «личная нравственная ответственность», «соборная народная вина», «грех», затруднительна интерпретация трагической природы исторического процесса в целом и войны в частности. Заметим, что необходимость интериоризации в историческое исследование этих и подобных им категорий, как непреложное условие углубленного познания исторической реальности, подчеркивалась и дру-

гими представителями русской религиозно-исторической мысли [1, с. 24–74, 131–153, 226–256]. Подобный историко-религиозный подход способствовал всестороннему изучению феномена войны. Ф. А. Степун, указывая на духовный, «сверхполитический и даже сверхисторический» смысл войны, одновременно с тем глубоко исследовал собственно историческое, в частности антропологическое, измерение войны. В общих чертах эти главные направления его размышлений о природе войны выглядели следующим образом.

Смысл войны Ф. А. Степун связывал с христианским заветом «великого преображения мира», что в его трактовке предполагало активное участие христиан в становлении подлинно религиозной культуры. Было бы большим упрощением интерпретировать такие представления, как оправдание или тем более одобрение войны. Их иная смысловая направленность обусловлена усвоенной им фундаментальной чертой русского православия – «принципиальным космоизмом», сущность которого составляет «живое ощущение религиозной ценности мира и яркое переживание идеала “обоже-ния” (теозиса)» как пути к его преображению [2, с. 427]. В войне, подчеркивал ученый, особенно явственно переплетаются высочайшая неправда и бесспорная правда исторической жизни, явственно обнаруживается бесконечная сложность природы человека как центрального ее субъекта во всех его взлетах и падениях, а процессы разрушения сложно сосуществуют с созидательными тенденциями. Согласно Ф. А. Степуну, в условиях войны происходило интенсивное изобличение лжи секуляризованной культуры, ревизия «критериев и масштабов» социального взаимодействия, возвращение к подлинным реальностям. Самую сущность этих процессов в восприятии ученого можно передать с помощью его любимой метафоры – «от быта через событие к бытию» [3, с. 518].

С сакральным уровнем Ф. А. Степун связывал идею священной войны, немислимую вне признания надличностных целей и ценностей. Поясняя свое понимание этой идеи, он писал: «...Для того,

чтобы осуществлялась такая священная война, в ее основе должны быть нерушимы следующие два условия: во-первых, идея, во имя которой люди приносят в жертву свои всегда и во всяком случае драгоценные жизни, должна быть действительно Божественной идеей, а не человеческой выдумкой, а во-вторых, каждый – исключения абсолютно не допустимы – кто несет свою жизнь к священному жертвеннику, должен быть безусловно охвачен и проникнут, более – должен быть всецело, во всем своем бытии и существе, убит и заново рожден этой идеей» [4, с. 68]. Это суждение русского мыслителя обретает особенно глубокий смысл в настоящее время, отмеченное многочисленными большими и малыми военными конфликтами, в своих сущностных чертах крайне редко соответствующими подобной интерпретации «священной войны».

С сакральным уровнем бытия Ф. А. Степун связывал также стихийный народный патриотизм, немислимый, по его убеждению, вне глубокой веры народа, – пусть и неосознаваемой, – в религиозную метафизику войны. Так, стержнем русского патриотизма являлась вера в незыблемость России, в то, что «Бог Россию не выдаст», которая оставалась действенной и в советский период, несмотря на атеистическую риторику и фразеологию, столь характерную для этого отрезка российской истории. Как полагал мыслитель, свойственная офицеру и солдату вера в то, что «война с того света пришла», определяла как ее «покорное приятие, так и ее героизм»; определяла и дух «добровольческого самопожертвования». Воинская доблесть и героизм при таком толковании получали особую онтологическую глубину и смысл, поскольку переводились в измерение «диалога с вечностью». Причем эта глубина определялась не только стоянием перед смертью (в этом случае война, по мнению Ф. А. Степуна, не отличалась бы от смертоносной эпидемии), но и необходимостью лишать жизни себе подобных. Неуклонное ослабление в сознании современного человечества «трагического ощущения жизни и неискоренимости ее неизничтожимых опасностей» [3, с. 271], составной частью чего является размывание мистики войны, по убеждению Ф. А. Степуна, таило большие опасности для исторического бытия народа. Достаточно отметить две из них, парадоксально связанные между собой. Это, во-первых, эскалация социальной агрессии в обществе и, во-вторых, снижение сопротивляемости народа внешней опасности.

С этим блоком проблем тесно связано его наблюдение относительно трансформации природы войны в условиях техногенной цивилизации XX в. Так, начало применения оружия массового уничтожения в годы I Мировой войны ознаменовало для него наступление периода предельного обесчело-

вения войны как социального феномена. Вспоминая опыт переживания газовой атаки в 1917 г., Ф. А. Степун писал в своих мемуарах: «После газовой атаки в батарее все почувствовали, что война перешла последнюю черту, что отныне ей все позволено и ничего не свято» [3, с. 304].

До настоящего времени научный интерес представляют размышления Ф. А. Степуна о собственном историческом уровне войны, в особенности связанные с антропологическим его измерением. Уже в ходе I Мировой войны он уделил внимание сравнительно-историческому анализу ментальных особенностей воюющих народов, объективно подчеркнув значение этого фактора для содержания и стилистики их фронтовой и тыловой жизни. Причем, касаясь особенностей российского менталитета, он обратил внимание на диалектическое единство позитивных и негативных его составляющих, определившее немало особенностей отечественной культуры. К числу позитивных свойств русского человека Ф. А. Степун относил его целостность, его глубокую связанность «с ценностями абсолютного религиозного порядка», позднее определенную им как «первичность, настоящность» русского человека. Наличие в российском менталитете этой черты дало основание Ф. А. Степуну для следующего полемического по своему характеру утверждения: «...варварство русского мужика много ближе к подлинным высотам культуры, чем среднеинтеллигентская образованность», при условии сохранения его (мужика. – Л. Г.) религиозности [3, с. 281]. Особую же обеспокоенность ученого вызывала такая черта российского менталитета, как «конкретный морализм», определивший немало особенностей отечественной культуры. Его суть можно выразить следующим образом: то, что недопустимо по отношению к ближнему, вполне допустимо по отношению к обезличенным началам, например государственной собственности.

Среди основных характеристик немецкого народа Ф. А. Степун выделял такое качество, как «деловой прагматизм», определявший значительно большую организованность немцев как в военное, так и в мирное время. Причем, по его мысли, выраженность этого качества имела неоднозначные следствия для самой Германии. Так, одной из причин поражения Германии в I Мировой войне ученый считал контрпродуктивную позицию немецкого генерального штаба, «переоценившего начала метода, порядка и долга и недооценившего начала импровизации, случая и вдохновения» [5, с. 411, 277].

В годы I Мировой войны Ф. А. Степун заострил внимание и на значении для судеб мировой культуры реактуализации архаических архетипов – в частности архетипа «свой – чужой» – в условиях тех-

ногенной цивилизации, породившей не только оружие массового уничтожения, но и изощренные коммуникационные технологии, расширяющие возможности манипуляции массовым сознанием. В частности, увеличивались возможности создания и распространения негативных стереотипов о народе-противнике в целом, что в широкой исторической перспективе несет угрозу существованию культуры как таковой. Схожую обеспокоенность высказывал Н. А. Бердяев, много писавший об опасности закрепления «блокового мышления» в мире по окончании II Мировой войны [6, с. 278–280].

Самостоятельное значение имеет предпринятый Ф. А. Степуном анализ этической проблематики, в условиях войны для христианского сознания фокусирующейся на проблеме применения насилия, включая убийство как неизбежную в это время практику. Стремясь разрешить это основное нравственное противоречие войны, он указывал на необходимость его переосмысления в русле христианской категории «греха», что позволяло одновременно учитывать трагическую природу истории и избегать морализаторства. Заостряя свою мысль о необходимости ее оживления в сознании современного человека в качестве важного регла-

ментирующего механизма, мыслитель отмечал, что без этого утрачивается представление о трагической глубине человеческой жизни в целом, в условиях войны в частности. «На почве атеистической цивилизации, – писал он в этой связи, – она (война. – Л. Г.) теряет... свой глубокий религиозный смысл и всякую трагическую глубину; перестает быть человеческой войной и становится нечеловеческой бойней. Это означает, что нравственный пафос христианства должен заключаться не в безоговорочном отрицании войны, а в требовании, чтобы ее зло изживалось как грех, т. е. как трагический смысл политической жизни» [5, с. 518].

Таким образом, исследовательская стратегия Ф. А. Степуна, базирующаяся на синтезе христианского и собственно научного подходов в исследовании природы войны, позволила ему отразить структурную сложность этого социального феномена, крайне сложного для понимания вне признания трагического характера исторического процесса. Размышления этого христианского мыслителя о войне могут способствовать не только расширению представлений о природе былых войн, но и более глубокому пониманию многочисленных военных конфликтов современности.

Список литературы

1. Гаман Л. А. Революция 1917 г. и советская история в освещении русской религиозной эмигрантской мысли. Томск, 2008. 332 с.
2. Зеньковский В. В. По поводу книги И. А. Ильина «О сопротивлении злу силой» // Ильин И. А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 5. М., 1996. С. 423–446.
3. Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. СПб., 2000. 651 с.
4. Степун Ф. А. Из писем прапорщика-артиллериста. Томск, 2000. 192 с.
5. Степун Ф. А. Мысли о России // Степун Ф. А. Жизнь и творчество. Избранные сочинения. М., 2009. С. 253–532.
6. Бердяев Н. А. Третий исход // Новый журнал. 1953. № 32. С. 271–280.

Гаман Л. А., доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры.

Северский технологический институт (филиал Национального исследовательского ядерного университета «Московский инженерно-физический институт»).

Пр. Коммунистический, 65, г. Северск, Томская область, Россия, 636036.

E-mail: GamanL@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 09.06.2010.

L. A. Gaman

RUSSIAN RELIGIOUS-PHILOSOPHICAL THOUGHT ABOUT WAR: SIGHT OF F. A. STEPUN

Article examines historic-religious ideas of Russian religious thinker F. A. Stepun about nature of war. The article shows an originality of his research strategy, based on synthesis of religiously-philosophical and scientific point of view that allowed him to reflect semantic complication of war as social phenomenon which has, according to his thought, both empirical and religious aspects.

Key words: *religious philosophy of history, nature of war, patriotism, mentality, technical civilization.*

Seversk Technological Institute of National Nuclear University «Moscow Engineering-Physical Institute».

Pr. Kommunisticheskiy, 65, Seversk, Tomsk region, Russia, 636036.

E-mail GamanL@yandex.ru